

во власти подземелья

Алексей Гутора

ВО ВЛАСТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

<https://litres.ru/74141088>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вот она — старинная крепость, безмолвный каменный форпост стоит уже сотню или две сотни лет посреди безупречно черного елового леса в ожидании визитеров. Он горделиво взирает на свои владения, в которые боятся заходить даже звери. Этой местностью правит вечная тьма, готовая принять в свои покровы всякого незадачливого путника...

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	70

ВО ВЛАСТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Глава

Во власти подземелья

рассказ

«И все твои ужасы воплотятся в жизнь»

Гутора Алексей
Вступление

1410 год. Где-то в середине Европы. Зона отчуждения, не населенная людьми. Черный еловый лес шелестит непослушными кронами, сыпая иголки на чернозем. Горы. Болота. Запах застойных испарений и душистой хвои. Выглядывающие из земли мощные корневища растений переплетаются друг с другом, образуя крепкие сплочения, по своей крепости похожие на камень. Впереди заходящее солнце своим полукруглым диском очерчивает очертания руин прекрасного замка или большой крепости, некогда простиравшейся на возвышенности мрачной горы. Годы не пожалели рушащиеся на глазах строения.

По единственной дороге идут два странника, еще один спешит к цели через лес напрямик. Вечер надвигается. Темнота подступает всё ближе к зоне отчуждения. Пахнет холодом. Тени гор становятся всё больше, длиннее. Ветер усиливается. Но путники, в своем стремлении желая достичь цели, не думают останавливаться. Они отбросили опасения и страх перед всяким препятствием. Их ведет вперед нечто непонятное, гигантское. Что-то манит их рукой за собою. Путники идут, спешат каждый как может.

Путь к башне

Вы не можете изменить свой путь. Он выбран судьбой.

Вы не можете изменить себя.

Ваш путь — это дистанция от рождения до смерти.

Исполните предназначение, предначертанные ранее.

Невероятно внушительная по своим масштабам, некогда процветающая крепость была полностью безлюдна, невозможно представить себе, что здесь когда-то кто-то пребывал и обитал. Крепость стояла вопреки всем неприятностям, дожидаясь путников, спешащих войти в ее подземные ходы. Путешественники шли каждый своей дорогой, не спеша, но и не медля. Их было трое. Такие разные путешественники преследовали каждый свою цель. Близился вечер, день пропал в тенях высоких гор со снежными макушками и дре-

мучих лесов. Ночь приближала невероятную тишину. И казалось, так тихо в этих краях не было никогда...

Отшельник

По дороге шла пара ног, обутая в походные кожаные туфли. Человек в серой рясе семеня мелкими шажками, похожими на капающую воду из прохудившейся крыши, устремленными куда-то по обочине дороги; путешествующий явно экономя силы, брел из далеких мест и весьма далеко и уже долго. Времени у него было предостаточно. Дорога была неблизкая. Путь шел через туманный лес. Иногда ели махали путнику ветками, как бы приветствуя в своих призрачных владениях. Один. Он находился тут совсем один. И даже разбойников не водилось в этих до конца вымерших местах.

Рыцарь

По небольшой дорожке скакал всадник, одетый в легкую пластинчатую броню. С ним была походная сумка, большой мушкет и верный двуручный меч цвайхендер, которым он

рубил головы направо и налево. Скакал он быстро, желая в мгновение ока достичь цели. Но путь был неблизким, поэтому время тянулось, неумолимо высасывая из него и из лошади силы. Верный скакун постоянно озирался по сторонам, видя призрачные ели, махавшие им ветвями. Казалось, они были живыми.

3

Наемник

По непролазному лесу плелся некто в тёмной одежде, скованный кожаной броней, сплошь покрытой металлическими вставками. Мужчина отбивался от ветвей, преграждавших его путь, пней, чертополоха, папоротника, грибов. Он отбивался от всего, ругаясь на то, что был выбран путь идти напрямик, а не в обход, как ему советовали его товарищи по оружию. Вот он забрался на горку, лучи солнца озарили его заляпанное грязью лицо. Путник достал карту из потайного кармана и сверился с дорогой. Раздалась грязная ругань. Проклятия сыпались как из рога изобилия. Он поплелся дальше, высвистывая песенку разбойников и наёмников с большой дороги, которая вела от германских земель до границ испанских владений.

Что солнце, что луна в этой мрачной местности казались

оком злого, забытого всеми гневного бога, следящего за жалким земным миром, который более никогда не помолится на его скверное имя, о чем, собственно, тот и печалился и гневался изо всех сил.

1.2

В туманной дымке обрисовался контур всадника. Пеший странник приостановился, чтобы пропустить ездока, но тот, в свою очередь, поравнявшись с незнакомцем, стал разглядывать его в дымке утреннего тумана. Путник был одет в обычную рясу до пола. При нем была трость, на которую тот не опирался, а придерживал в левой руке. В правой он зажимал четки, сразу же при приближении всадника убранные в карман. Одежда подвязана тугой бечевкой, выполнявшей роль своеобразного ремня. На бечевке располагалась сумка, набитая некими вещами. Также справа на поясе у него болталась небольшая книга. Коротко стриженный странник оглядел серыми глазами всадника на черном вороном коне, но, поняв, что тот не представляет опасности, попытался пойти дальше, чем разозлил своего нового знакомого.

- Эй!!! - заявил наездник, поправив длинный меч. - Ты куда? Не видишь, мы одни на дороге?

- Да. Мы по одну сторону дороги. И на ней мы и останемся. Не надо кричать.

- Ты как змея, шепчешь прямо. Куда ты идешь?

- А тут одна дорога. Я иду туда же, куда стремишься ты.

- Зачем? Ты служишь святой инквизиции, что ли? Кто

твоя братия?

- Я паломник из дальних мест. Меня послали из далеко-издалека за знаниями, которые не получить просто так ни одному смертному.

Молчание путника с серыми глазами, усаженными глубоко в череп, ведром холодной вода обдало наездника.

- Немногословен, однако. Хорошо. Давай подвезу.

- Нет. Этот путь нужно проделать ногами от начала до самого конца.

- Ты странный. Ладно. Бывай. Может быть, еще увидимся.

- Увидимся, не сомневайся, воин... - прошипел ему вслед чужестранец.

- Ты уверен? Я доберусь до места первый. Тебе за мною не поспеть.

- Не думай, что всё сделаешь быстро. Твоя дорога — жизнь. И ты не приедешь к месту первым. Нас обоих опередит третий.

- Некто еще тут ползает по темному лесу, кроме нас с тобою?

- Да. И он скоро достигнет места назначения.

- Не бывать этому!!! - с этими словами всадник пустился по дороге вперед.

Где-то в горизонте обрисовались контуры старых развалин цитадели. Странник поглядел на них и протянул руки к горизонту, сказав нечто на латыни, и показалось на мгновение, что его тело немного поднялось над землею.

Звук пустоты пронзил черствое сердце скитальца. Он приплюхался, закрыв серые глаза. Тень накрыла его. Свет солнца скрылся за тучками. Пошел небольшой дождь. Стало сыро. На дорогах образовались маленькие черные лужи, очень похожие на глаза зачарованных существ из страшной сказки. Запах гнили усилился.

1

Монашествующий скиталец не удержал в голове образ воина, хотя точно знал, что их следующая встреча неизбежна. Его ноги упрямо брели по всё той же обочине всё той же дороги. Он тихо шел, нашептывая некие тайные заклинания, секретные молитвы, помогающие телесным силам не иссякать полностью. От этого со стороны казалось, что колени его вывернуты в обратную сторону. Наверное, многие бы сочли всё это за колдовство. Странник обернулся к лесу и тяжело выдохнул. Серые глаза без особого интереса посмотрели на ветви покачивающихся деревьев.

3

Наемник ругался и ругался. Он шел твердой походкой, но на согнутых ногах. Ему виделись прошлые дни своей былой славы, когда ему принадлежали все девушки большого города, когда он мог пить и есть до отвала. Мужчина пробирался

через ветви деревьев, толкал тонкие стволы деревьев и перелезал через колючие кустарники и ямы. В конце концов он выбрался на очередной бугор и, выпрямившись во весь рост, огляделся и вдалеке увидел руины замка. «Неужели я скоро дойду», — выдохнул он, тяжело дыша.

В руках у него оказалась карта. Он сверился с нею снова, затем убрал в карман и пошел дальше.

Хитрый воришка шел по карте через лес, и не просто обычную лесную чащу, а гниющий и поющий ужасные байки лес, находящийся в затопленной низине, — то был кратчайший путь к цели.

В темноте загадочного леса под навесом колючих ветвей было не совсем непонятно, то ли день стоит, то ли ночная мгла, всё тут казалось однообразным — тьма, тени, клубящийся холодный воздух, серость подступающего вечера и затхлость дремучего безвременья. Троица путешественников брела через заросли, думая лишь о своих мечтах...

Взору уставшего после долгой дороги наемника представала полуразрушенная башня — единственная уцелевшая из четырех, несколько стен, непролазный лес, дальнее болото, черные вороны, горделиво восседающие на крыше старенькой церкви, и непосредственно само древнее строение темницы, перестроенное века назад то ли из форта, то ли из какой-то крепости под тюрьму, где отбывали наказание «особые преступники». Мужчина усмехнулся, глядя на руины большого комплекса, некогда величаво взиравшего на людей, а теперь со временем одряхлевшего и потускневшего как внутри, так и снаружи. Из теплого рта вырвалась струйка еле заметного пара. Смерть пахнула в лицо наемника, и он зажмурился, представив облик черной вдовы в истлевшей рясе. Глаза открылись сами по себе, как только до слуха долетело мерзкое завывание издали. Волки! - подумалось ему. Но то были не волки, а собака-волки, не боящиеся людей и пламени огня. Дело плохо. К горлу подступила медная дрожь. Чувство самосохранения заставило путника пуститься вперед к самому большому зданию. Лес за его спиной шелестел как-то подозрительно странно. Оглянувшись, он увидел, что деревья "съели" тропку, по которой ему до-

велось идти мгновение назад. Странно все это, - снова подумалось наемнику, но ничего страшного во всех этих обстоятельствах не увидел.

Вскоре стены разрушенной временем цитадели возвысились перед ним титаническим исполином. Он и не представлял, что вековое величие еще живет здесь, и что оно так грозно и величаво выглядит вблизи. До сих пор он думал, что идет в крепость давно почившего государства. Однако все оказалось далеко не так просто и примитивно, как думалось в первый раз. Серые точки, коими представлялись грязные полукровки, постепенно становились все больше, и из муравьев они довольно быстро превратились во вполне больших навозных мух. Лишь бы первым добраться до руин! - думал пришелец в чужих землях.

Миновав небольшой по размерам мост, он обошел руины каменных домов, поднялся по каменной дороге, выстроенной еще во время царствия тут древних римлян, и очутился у двора. Большой двор, заросший бурьяном и закиданный разным мусором предстал перед лицом мужчины. Он тяжело дышал. Его уши улавливали собачий лай, смешанный с завыванием волков. Твари чуяли его присутствие, они были голодны до ужаса. Нужно было как можно скорее найти вход в подземелье! Хитрые глаза и пытливый ум сразу смекнули и выудили из тенистого пространства обширного двора большой проход слева. Некогда на нем располагались толстые ворота из прочной стали с металлическими петлями, однако

теперь он представлял из себя просто дырку в стене. Быстро оказавшись у входа мужчина окинул взглядом окружающую местность в последний раз и отчего-то его сердце сжалось. Как тут прекрасно! - подумалось ему. Сантименты были тут же откинuty в сторону! Долой эмоции! И он бросился во мрак прохода, чуя приближение волчьей стаи.

Ступени тянулись вниз под его ногами. Тело требовало отдых, но дух жаждал приключений! На расстоянии в несколько десяткой шагов друг от друга горели факелы. Некто, очевидно, зажигал их каждый день. Мрак принял путника и погрузил его в себя без остатка. Все погрузилось во тьму. И только звук собственных шагов тонко намекал идущему вниз, что он еще живой. Но вскоре ступени закончились. Мужчина осмотрелся. Рядом в просторной комнатке обнаружили несколько дырявых бочек, ржавые гвозди, ведра, гнилые веревки да плохо сколоченные ящики... Такое себе сокровище, - пронеслось у него в голове. - А что же дальше? Мне обещали, что тут много драгоценностей! Где же они? Может быть дальше?

Не повинуясь страху, все сильнее сжимавшему сердце путника, он принял решение следовать далее в глубины темницы, явно представлявшей из себя сеть хорошо организованных туннелей, устроенных по типу муравейника. Его, не смотря на непонятно откуда взявшийся трепетный ужас, влекло желание больших денег и наживы, на которые он смог бы существовать безбедно до конца своих дней, на которые

он мог бы купить и любовь, и уважение, и почет, и звание, и восстановить утраченную в далекой юности честь... Но это совсем иная история, воспоминания о которой давно размыло время в сознании бесчестного наемника.

Он хмыкнул сам себе, подтянул два кинжала, прикрепленных к бедрам и, вспомнив о обещаниях, данных уважаемым людям, двинулся вперед в какой-то проход с отворенной дверью. И тут же смрад влетел в его лицо. Дыхание бездны сказало ему об очень глубоких катакомбах. Песнь ветра взъерошила короткие волосы, заставила поморщиться. Он закрыл лицо руками и пошел с жаром в сердце, раскаленном до красна, в темноту, подсвеченную, освещенную едким огнем старых масляных ламп. И все время ему казалось, что за ним следят. Казалось, что некто выхватывает его ловкие кошачьи движения из тьмы. Может то был человек, а может быть сама тьма, которая тут ощущалась липкой и тягучей, словно смола.

Миновав несколько проходов путник остановился на развилке: левая дорога выводила к тесным помещениям, озаренным светом лампадок, вторая была прямой, она вытягивалась в туннель со множеством факелов, правая дрога оказалась погружена в тени. Вот по этой-то я как раз и пушусь в путь! - подумал наемник, тихо семеня шагами. И уже буквально через несколько недолгих мгновений на него налетел ветер. Он зажмурился и услышал странный свист, который принял изначально за напевы гуляющего беспутного ветер-

ка. Однако, прислушавшись, обнаружилось, что песнь имеет четкие очертания, звуки, интонацию. От этого кровь в жилах закипела и похолодела одновременно. Как-будто некто говорил во тьме. Мужчина пригнулся и, немного пройдя вперед, наткнулся на поручни, за которыми красовался амфитеатр, выдолбленный в скалах. Показалось, что он оказался в большой пещере, рукотворной, сделанной по типу темницы, но такой не являющейся. Над головой грозно свисали сталактиты зубами неведомого существа, норовящие пасть вниз. Под ногами простирались несколько ярусов или этажей тюрьмы, где блуждали синие и зеленые огни, кое-где горели маленькие точки факелов. Там явно кто-то находился. Наемник пожегился от открывшегося злого вида на катакомбы, покоящиеся в тених и мраке. Что-то в его душе забеспокоилось, но чувство скорой наживы оказалось сильнее, и, немного погодя, не смотря на все настойчивые предостережения нахального воровского чутья, им было принято вполне осознанное решение идти дальше.

Если там внизу ходят люди, значит и мне тоже можно там ходить, - рассуждал пришелец, нагло вторгшийся в темницу незванным гостем. - Если там ходят люди, то и я смогу ходить там во тьме. В конечном итоге это всего лишь темнота, просто густая и какая-то вязкая.

Обманчивая атмосфера катакомб приняла его в свои объятия, сжав в тисках, словно мать родное дитя. Она уже его не хотела отпускать. Она теперь была с ним до конца его дней.

Вот он, наверное, в принципе наемник, но по факту все-таки вор, не скованный ничем, кроме договора с бандитами и контракта с лордом. Да, в руинах древнего сооружения он видел лишь золото и чуял одну только наживу, которую мог присвоить себе.

Конь нес всадника всё быстрее и быстрее, разгоняя свой бег до умопомрачительной скорости, он обгонял ветер, метя точно в закат. Черный конь ревел и кричал почти по-человечески, предрекая скорый конец долгого пути, в котором он и его ездок пребывали уже несколько дней. И за эти непродолжительные пасмурные деньки они отдыхали, останавливаясь от силы пару раз. Дорога не петляла. Она лежала прямо к руинам. Останки замка не нравились ни самому животному, ни рыцарю — хозяину коня. Что-то было в них не так. Но что именно, они не понимали. Вечная пара — человек и лошадь, сколько они объездили земель, сколько врагов затоптали совместно, во скольких битвах приняли участие, и не пересчитать!!! Они были едины. Их вела судьба и воля к победе.

«Ни шагу назад. Не показывать страха. Всегда принимать бой!» — таков девиз рыцаря.

Он знал, что братство пустило его в очень опасный путь. Он не мог отказаться от такой привилегии, от опасного путешествия, от посещения злополучного подземелья, где, по слухам многих странников и наемников, пропадали целые орды солдат. Что там такое? Какая опасность таится? Рыцарь не понимал и не догадывался. Смелости ему было не зани-

мать. При нем были оружие и верный друг, на нем дребезжали доспехи. В дорогу он собрался основательно, взяв с собою всё, что так было необходимо. И тем не менее некий животный ужас посещал его черствый разум, окрепший на войне и не восприимчивый к виду крови и трупам павших врагов и братьев. Его пьянила опасность. Его восхищали подвиги прежних поколений рыцарей, которые, по словам стариков, дрались с драконами и великанами.

«А почему же нет сейчас драконов и великанов?» — задавал он вопрос старшим.

«А потому что их дьявольское племя истребили», — отвечали всегда ему.

Конь и всадник летели стрелой, не поспевая за закатом солнца. Им нужно было во что бы то ни стало доехать до руин замка до прихода ночи и разбить лагерь у разрушенных стен. Там, как сказали путнику, в стене есть отверстие, помеченное алым воском, в которое нужно просунуть гранату и подорвать ее. Взрыв должен обрушить восточную часть плотной заградительной баррикады. Через образованную брешь можно будет проникнуть в подземелье. Там в одной из камер рыцарь должен найти узника с рыжими волосами и уродливым шрамом под правым глазом. Имени его не было известно. В голове всплывало лишь описание человеческого лица, забыть которое ненароком казалось так бо-язно, что иногда аж замирало дыхание в широкой груди.

И тем не менее руины старого замка, где в настоящий

момент располагалась темница для отъявленных преступников, приближались. Постройка давнего форпоста в свете огненного заката поднималась всё выше и выше и вскоре превысила рост вековых елей, окружавших со всех сторон небольшую возвышенность. Рыцарь придержал коня, и тот встал на дыбы и заржал. Цель почти была достигнута, теперь не было нужды гнать изо всех сил, загоняя скакуна до смерти. Пришпорив верного друга, рыцарь дал ему понять, что всё в порядке и можно расслабиться.

«Хорошо, дружок, хорошо. Вот и мы и доехали. Завтра я буду внутри. Ты дождись меня снаружи. Я быстро управлюсь. Главное — знать, куда идти и кого искать, а остальное — мелочи», — говорил мужчина в доспехах коню, а тот по-нотливо качал головой, всё прекрасно понимая (не в первый раз уже звучали подобные установки от наездника).

Чёрные руины, как клякса на красивой картине заката, омрачали взор. Они представлялись чем-то зловещим, выбивающимся из обычного, обыденного порядка вещей, виденного ранее. Чем-то, что человек не мог понять, а мог лишь ощущать. Вроде бы перед рыцарем возвышалось строение с подземельями, где некогда обитали такие же, как и он, люди, и всё же... Всё же останки форпоста источали аромат смерти, который был присущ полю битвы, заваленному трупами павших воинов. Рыцарь еще раз окинул взором местность и ничего враждебного не увидел. Он был тут абсолютно один. Странно. С чего же такое жуткое ощущение смерти впилося

ему в глаза? Почему так странно заиграли струны нервов в крепком позвоночнике? Это всего лишь руины замка. А может быть, глаза обманывают его? Чутье подсказывало рыцарю уносить ноги от проклятого места, однако честь и кодекс запрещали ему бежать.

«Закончить начатое дело. Закончить во что бы то ни стало», — приговаривал ездок, медленно подъезжая к стенам форпоста с одной уцелевшей неказистой башенкой.

Конь тоже чуял что-то неладное во всем этом нагромождении камней, но доверчиво повиновался всаднику, рассчитывая на его интуицию и боевой опыт. Хотя порой животное фырчало, дергалось, упрямилось, не желая идти дальше, до «самого конца предначертанного святым братством пути». Человек всегда прав — это беспрекословно понимал конь.

«Тише, мальчик, тише», — говорил другу бравый рыцарь, чувствуя дрожь под собою.

Неразлучные путники прибыли в расположение бывшей конюшни с дырявой крышей. Остановившись, рыцарь снова огляделся, местность показалась ему гиблой, выжженной, пропитанной трупным ядом. Всё было черно. Солнце село за горизонт, оставив после себя на горизонте уйму разбросанных угольков, еще пышущих жаром. Оставив скакуна, путешественник присел под гнилыми досками и развел костер. Выпив из фляжки, он перекусил двумя сухарями и вяленным мясом. В кожаном мешке еще оставался провиант. Мужчина снял шлем и поглядел на руины — там недалеко виднелась

бреешь в стене. Именно туда нужно будет сунуть бомбу. Раздался тяжелый выдох — дышал конь. Разговора между двумя друзьями не состоялось.

Местность и правда выглядела враждебной, мрачной, не поддающейся принятию человеческой душой. Рыцарь поглядывал во все стороны, однако, кроме сгущающегося ночного мрака, ничего не видел. Может быть, было и в самом деле нечто противное, мерзкое, не видимое глазу?

Ближе к полуночи, когда странник восстанавливал силы, погрузившись в неглубокий сон, скакун занервничал еще больше. Животное билось, вертелось, не желая сохранять самообладание. Более того, где-то в лесу были волки...

Ночь пришла весьма предсказуемо с полным заходом солнца, и в ее беспокойных недрах родился шепот, потрескивающий и слегка завывающий, насвистывающий мотивы песен подземелий; сначала отзвук казался потусторонним, отдаленным, постепенно он приблизился к спящему, напугал коня, погасил огонь в костре и принялся клубиться туманной пеленою. Шепот разбудил наездника. Тот встал и, протерев глаза, увидел, что коня на прежнем месте нет. Животное испугалось и убежало куда-то в неизвестном направлении. Музыка ветра завывала, как кошка, отражающая атаку врага. Враждебная атмосфера не желала причинять вреда, но и отступать также не хотела. Она смотрела безглазой тьмой в лицо единственного человека, еще погруженного в сон... Рыцарь встrepенулcя, замотал головой, вскруженной

новыми обстоятельствами, вынуждающими его ринуться на поиски рыжего негодяя как можно скорее. Он медленно подошел к тому месту, где недавно стоял конь, и увидел оборванные поводья, за которые был привязан его верный скакун, уяснил себе, что животное напугало что-то невидимое его собственному глазу.

Немедля воин схватил сумку и вынул из нее гранату в глиняном корпусе. Он зажег фитилек смертоносного оружия и, принеся его к бреши в стене, быстро и очень ловко засунул взрывное устройство в небольшую щель, помеченную красной краской. Шепот усиливался. Дымка ночи сгущалась всё сильнее, не желая развеиваться на ветру. Рыцарь присел за ограду старой конюшни, принявшись томиться в ожидании. В голове пронеслись моменты, проведенные в битвах, сражениях, где они вместе с его верным скакуном рубились не на жизнь, но на смерть с вражьим племенем. Ему повезло, что его не взяли в крестоносцы. Как же ему повезло, что его братия заступилась за него, вступилась в самый последний момент и вырвала из рук воинствующего святого войска. Теперь рыцарю стало понятно, для чего его оставили в живых... От осознания горького факта он тяжело выдохнул и... Тут прогремел долгожданный взрыв!!! Всё вздрогнуло, но только не одинокий мужской силуэт. Почуялся запах дыма и... гнили, идущей из подвального помещения. Воин медленно подошел к новообразованной дыре, поглядел в пропасть: свет... Там показался свет факела, а значит, живые там

есть, ведь кто-то должен был разжечь огонь. Ступени уходили крутым витком сверху вниз. Дорожка вела справа налево и уходила далеко в подвальное помещение.

«Двуручник, как всегда, при мне, еще одна граната лежит в сумке, аркебуза за плечом. Чего бояться? Я во всеоружии, готовый к любому бою. Это всего-навсего тьма. Какая-то тьма».

Мужчина содрогнулся, как будто почувствовал удар ногой по собственному могильному надгробию, и вновь огляделся. Военское чутье говорило ему, что за ним следят. Но никого не удавалось заметить. Местность казалась пустынной и необитаемой, выглаженной черной мглой до идеального состояния. К рыцарю вернулись детские страхи темноты и монстров, скрываемых этой самой тьмой. Какой позор!!! Он вострепнулся от накатившего раскаяния и быстрым движением, согнувшись, проник в темноту прохода старинного сооружения, движимый одной-единственной целью — отомстить. Месть двигала им и вела его вперед, несмотря на возникающие и уже возникшие трудности. Он не знал «зачем», не знал «как», «почему», «отчего» именно ему поручили такую дурную работу, однако доблестный воин четко ведал — это задание нужно выполнить во что бы то ни стало. Такова являлась его обязанность перед братией, перед товарищами по оружию, которые были ближе ему, чем родные отец и мать. Спустившись на этаж ниже, рыцарь выхватил факел из ржавого железного поручня и пустился в неизведанные ко-

ридоры лабиринта тюремного подземелья, сокрытого смрадной дымкой, от которой выворачивало наизнанку. В лицо ему была вонь и ветерок, по-прежнему неутомонно шептавший некие заклинания на непонятном языке, с регулярным постоянством до слуха долетали отзвуки скрипа, скрежета и людские стоны, невероятно схожие с крысиным писком.

«Крысы? Много ли их? Может, это мыши? Нет. То крысы или люди, мыши пищат иначе».

Рыцарь шел по ступеням, спускаясь все ниже и ниже и, казалось, проходу нет конца, нет тупика или какого-то логического завершения. Но то лишь казалось. На самом деле скрываемая множественными тенями истина была куда страшнее любого предположения храброго воина.

Истинно благородный воин, скованный крепкой броней и еще более крепким кодексом чести, идет только вперед и никогда не отступает перед лицом неминуемой опасности.

Двое путешественников с приходом сумерек достигли цели, а отшельник всё шёл и шёл, порой тяжело вздыхая, иногда оглядываясь по сторонам, думая, как хорошо было бы умереть именно в таком сумрачном лесу, посреди вечных елей и густого тумана, который, казалось, даже ветер не мог развеять. Скиталец то перебирал чётки, то молился, шепча какие-то странные заклинания на латыни, то потирал руки, успевшие замёрзнуть от холода, пробивавшего смертную плоть насквозь... До него доносились чудовищные завывания, гонимые в сгустках тёмного воздушного потока напрямик с руин крепости. Замок на фоне садящегося за горизонт солнца представлялся присевшим отдохнуть исполином. Завидев сие зрелище, аскет за долгие четыре дня непрерывного пути остановился, разглядывая полуразрушенные стены некогда грозного строения, выстроенного под особые нужды кельтов. Он замер, и вместе с ним замерло сердце, дыхание, вялые движения и природа, которая слушалась этого самого странного мужчину, страждущего в продолжительном пути. Шаги зазвучали снова, как только сознание вернулось в уставшее, но не сломленное тело. Теперь-то ему верилось в старые сказания. Путь выбран верно. Идти нужно не сбавляя

темпы до самого конца. Его послали именно для того. И нет иной дороги. И не иной стези. Только одна параллель, идущая вместе с двумя другими, подобные его собственной. Вечер наставал, сумерки восставали, приближая конец дня. До ушей стали доноситься крики и вопли, жгущие душу. Откуда они? А оттуда же, откуда летит ветер, не имеющий ничего общего с природой. Тьма сгущалась. Вдалеке послышался протяжный вой оборотней, кишащих тут по ночам, шастающих в поисках добычи. Они ели падаль — это знал скиталец. Но от обычной человеческой плоти они тоже не отказались бы. Стоило поторопиться.

Это был изначальный край вселенной, край мира, откос мироздания, где люди, подобные ему, сходили с ума, пели песни и танцевали, водили хороводы и приносили жертву. Кому? Всё было впереди. И бог мироздания лежал впереди, представляя из себя выгнутую тень, которая должна была ожить.

Близились ночь. Холод обступал уставшее тело путешественника со всех сторон. Накрапывал мелкий дождь. Лес набухал взъерошенной псиной, щетинился, вздувался, чтобы выпустить из преисподней всех своих призраков, таких же настоящих, как и он сам.

Аскет нагло улыбнулся проделкам сил тьмы, обитавшим в зарослях леса, тихо посмеялся им в лицо. Преодолев рубеж сумрака и светлого зарева заката, скиталец, по-прежнему не опираясь на посох, стал взбираться на гору, где рас-

полагались руины крепости. Он знал, куда идти, прекрасно представлял, что нужно делать. Всё заранее было известно и предназначено судьбой, превосходно, просто восхитительно владевшей скрижалями и жребием, выпавшим на долю отшельника. Взгляд назад — лес смотрит вслед, дожидаясь, когда еще один человек погрузится в пучины катакомб развалин. Серые глаза моргнули пару раз. Страха в них не наблюдалось. Заросли елей, поняв, с кем имеют дело, затихли.

Глубокая ночная мгла накрыла местность покрывалом непроглядной темноты. Где-то были взбесившиеся демоны сумерек. Множество глоток цокало, убаюкая беспокойный дух адской гармонией, песня жителей леса убаюкивала, погружала в смертельный сон, пропитанный страхом и отчаянием человеческого существа, которое отказалось бороться за жизнь и приняло смерть с распростертыми объятиями, чтобы не знать участи, куда более худшей, чем насильственный конец бесценной жизни. Смирение перед неминуемой гибелью звучало в каждом новом стоне ветра. Смирение. Это слово прекрасно понимал аскет. Его силуэт под покровом тьмы переходил через маленькую брешь в стене крепости. Он брел в проход, образовавшийся в камнях под действием неких сил. Заметив нужный провал, скиталец горделиво вскинул голову с чувством величайшей удовлетворенности и, оглядевшись серыми, обесцвеченными глазами, сунулся через дыру в катакомбы крепости, переделанные уж несколько десятилетий как в закрытую тюрьму с множе-

ством проходов, в большую темницу для заключенных, умалишенных, людей или человеческих созданий, осужденных на вечные мучения во тьме и мраке небытия, и не обремененных более никакими прежними земными законами.

В темноте померкли сначала руки, потом торс, одеяние, затем в самом конце и ноги. Все приобрело первоначальные очертания, предшествующие рождению. Серый взгляд скитальца окинул пространство перед собою, зацепился за некий дребезжащий свет в коридоре, сразу же заставивший двинуться впопыхах к нему со всех ног. То оказался масляный фонарик, привязанный веревкой к палке.

Что же, идем вниз по ступеням, светоч, указывай мне путь, — прошептал он, и тьма расступилась перед незванным гостем, дерзнувшим вторгнуться в чертоги матери-тьмы.

Кривая тропа, которая только что привела путников к старой полуразрушенной башне, утонула в еловом лесу, как проглоченная удавом маленькая лягушка. Теперь они трое остались наедине с тьмой подземелья, абсолютно не ведая, что ждет их там впереди.

Трое путников, таким образом, оказались во власти тьмы, довольно улыбающейся им в смущенные лица. Тьма и только непроглядная тьма владела подземельем темницы, она ласкою бархатных теней баюкала здешних узников, смиренно принявших обет молчания и нестерпимой боли безумия, которые были неразделимые в темноте мерзких катакомб. Страх обитал в туннелях печально известной тюрьмы, расположенной на задворках мира. И именно этот самый страх и ужас необходимо было познать нашим путникам.

В плену катакомб находилось множество людей, запертых в клетках, томящихся, как сельдь в деревянной бочке. Темнота скрывала всех. Их лица то искажал страх смерти, то глубокая удовлетворенность неминуемостью конца всего сущего. На сколько глубоко простирались катакомбы, никто из живущих в клетках не мог. Живущие в плену собственных иллюзий жители подземелья хотели хоть когда-нибудь выйти

на поверхность, подышать свежим воздухом, посмотреть на окружающий мир. Они не помнили внешнюю природу бытия, забыли быт и прежнюю городскую суету, измучившую большинство израненных душ. Теперь мужчины (а все присутствующие в темнице были мужского пола) злобно глядели наружу во тьму с молчаливым отчаянием, иногда выкрикивая стражникам проклятия и разные грязные ругательства, особенно когда у запертых в темницах появлялись лишние силы. Зачастую именно новоприбывшие заключенные проявляли особую агрессию по отношению ко всем окружающим, но многие, поняв, что всё тщетно, успокаивались и смешивались с одноликой толпой таких же несчастных идиотов, осужденных на долгие годы мучений в катакомбах. Перестройка человеческой души, падение некогда изысканных нравов и регресс духа по крутой нисходящей лестнице, деградация человеческого тела происходили весьма быстро. Атмосфера подземелья за короткий срок сжирала всё, что было присуще животному, и оставляла только злое, демоническое, составляющее темной стороны мужской природы. Все поголовно в считанные дни превращались в развращенный скот, забывший собственные имена со званиями. Голод, страх, злость, гнев, ярость, зависть, ненависть — это всё пробуждалось в головах узников, вскипало в черепной коробке и выплескивалось наружу, как баланда из вскипающей кастрюли. Изменялись и нравы, и тела, всё гнило и болело. Измененное сознание губило преступников, подверг-

нутых самой ужасающей пытке в мирской обители и самому дикому наказанию из существующих и известных государству — экзекуции вечным изгнанием из общества. Самоотрешенность. Гангрена в тихом одиночестве быстро поражала всю сущность человека, заставляя его гнить. Гниение души всё равно что гниение самого тела. Вонь небытия скрывала за завесой дымки человеческие судьбы, их изуродованные жизни, кровоточащие тела с вырванными сердцами. Во мраке на жестких кроватях узникам часто снились их родные дома, равнины, поляны, открытые земли, благоухающие травы и распускающиеся цветы, женщины, яства, покрывающие стол от края до края. Особенно они желали увидеть во сне толпы других людей, адекватных и хорошо образованных. Вторгшимся в адские глубины путникам еще предстояло встретиться с узниками, населяющими дебри катакомб, о чем они подозревали, но пока не знали наверняка.

Где-то в странном помещении темницы редкие лучики из обзорных окон и куски вездесущей тьмы носились в странном танце, озорно играя в пыльном пространстве под свист не стихающего ветра, напоминающего визг зарезанной только что мясником свиньи, еще живой и никак не желавшей испустить свой последний вздох перед отправкой в неизведанный мир небытия.

В глубинах катакомб

1

Какие же это все-таки глупости — бояться тьмы, — думал отшельник, гордо шествуя по туннелям подземелий с масляной лампой, не спеша переставляя ноги, порой путавшиеся в длинной рясе. — Чего в ней бояться-то? Тьма как тьма, любая тьма, населяющая грешную землю, покрывающая ее твердь ночью и воздушное пространство с позднего вечера до раннего утра. Стоит бояться не того, что представляет из себя какая-то там темнота, а того, что покоится в ее недрах. Глупцы поговаривают, она несет в своих неосязаемых тканях безумие и страх, но всё не так. Человеческое сознание, если оно хрупкое, будто хрусталь, конечно же, треснет, даст трещину или многочисленные трещины в еще более хрупкой душе, духовных покровах человеческого естества под действием только одного лишь ужаса воображения, которое, естественно, разыграется в темноте. Воображение, представление, вышедшее из-под контроля разума, скольких людей ты свело с ума? Человеческая душа, дух, эта ласковая эфирная субстанция — не что иное, как туманная дымка, похожая на испарение смрада, которое сейчас окружает ме-

ня самого, не более того. Что с нее взять? Что взять со слабого человека? Плоть? Труд? Музыку? Веру? Злобу? Он ничто из себя не представляет без души. Без души сосуд тела сам по себе ничего не стоит. Ох, скольких бездуховных людей я видел в молодости в церквях!!! Из-за этого-то я и разочаровался в религии и ушел с головою в знания, неподвластные людским суждениям, в их изучения. Если нам дано учиться, познавать новое, то будем пользоваться этим даром (или проклятием) в полной мере, чтобы не огорчить наших предков, некогда давно вкусивших бездумно сорванное яблоко с запретного дерева в саду Эдема. В общем, если дух слаб, то он сам по себе является лакомой жертвой для всевозможных страхов, и никакая тьма не может повлиять на него так или иначе. Темнота — это никакое не состояние пространства, а состояние души, дремучего сознания, отказавшегося изучать истины сего грешного мира и мироздания в целом. Слабый дух в слабом теле можно взять под контроль, развратить, превратить самого человека в животное, в пса, например. Но сильный дух даже в слабом теле движет народами, перемещает горы, порождает грозы и молнии, творит и делает такие вещи, которые иным не подвластны! Мой дух тверд как камень. Никакой тьме не сломить меня, никаким силам не подчинить меня себе. Я тут по своей собственной воле и никогда не уйду из катакомб, пока не найду того, что ищу!!! А ищу я запретных знаний, которые двигают не жалкую землю, не вселенную, не эфирный, как человеческая ду-

ша, небосвод, а вечность!!!

Размахивая лампадкой во все стороны, аскет никак не мог понять, где оказался. Рассуждения отвлекли его от дороги. Неожиданно перед путешествующим отшельником открылся вид на зал, но не глубинный и никакой не подземный. Вполне себе современный обширный погреб простирался пред ним. Винный погреб, переделанный в нечто странное. Все бочки отсюда были убраны, а от некоторых оставались только пустые основания или давно сгнившие деревянные поддоны. Аскет прошел с десять шагов и вновь остановился. Огляделся и увидел на досках человеческие скелеты. На него не произвело это мерзкое зрелище совершенно никакого впечатления. Он всматривался в портреты жертв насильственного умерщвления и не мог сообразить, за какую такую «правду» они были убиты? Скелетов насчитывалось с десятка два. Они висели, прибитые к деревянным доскам, облаченные в серые робы. Казалось, некоторые из них до сих пор шептали проклятия своим давно почившим палачам и душегубам, непосредственно наблюдавшим за их убийством.

Рассматривая одухотворяющие картины прошлого, скиталец вдруг услышал уже звучавшую ранее песенку, идущую из недр катакомб. Напев шел из открытой двери, проема с аркой, украшенной странной символикой в виде иероглифов. За дверью располагалась лестница, убегавшая глубоко вниз, в подземелье, шахту или же пещеру. Недолго думая, аскет пошел туда, в пропасть, которая могла увести не толь-

ко душу, но и плоть в самую преисподнюю. Пустые черепки в недоумении глазели на вторженца, решившегося спуститься еще ниже на несколько этажей. Дерзость путешествующего по подземелью аскета не знала границ и граней, он казался до основ существа каменным в стремлении достичь желаемой цели.

Шаткая гармония смиренной тишины катакомб казалась показной; каждый новый длинный арочный переход напоминал собою другой такой же переход, коридор, туннель, который петлял до этого, они все были неотличимы друг от друга, замкнуты между собою, и потеряться обычному человеку среди подобного окружения казалось проще простого, а еще легче — сойти с ума в подобном безумном лабиринте, выстроенном по замыслу какого-то безумного чернокнижника.

Просторы адских глубин приняли смиренное тело наемника, на какой-то момент замершего в ожидании чего-то по настоящему интересного.

Одинокая темная фигура, освещенная факелом в руке, проникла в зал с множеством решетчатых камер, в которых содержались преступники разных пород. Они сидели молча, пока не заметили мужской силуэт, отличный от тех, что обычно проходят мимо их клеток. Раздался галдеж. Множество рук просунулось меж штырей маленьких темниц. Наемник не обращал на заключенных никакого внимания. Его душу переполняло желание наживы, выбивающееся из общего понятия «человеческое желание». Оно глодало его изнутри, словно голод тела окружающих его жителей преисподней. И даже смрад не мог сбить его с толку. Даже крики, полные отчаяния и безнадёги, не помрачали его рассудок. Вторженец шел упрямой поступью вперед, не глядя на лица попрошаек, жаждающих вызволения из клеток, не смотря под ноги, пропуская мимо предостережения своего собственного чутья, шептавшего ему на ухо, что дальше будет намного хуже.

Заключенные в темницах имели схожие лица, неотличи-

мые друг от друга; люди за решетками то квакали жабами, то шипели, как змеи, увидевшие опасность, то гавкали грязными шавками, то рычали. Они полностью потеряли разум. Их наглые рожи выглядывали из тьмы, и чудилось, что они сливаются в единое целое, то ли существо, то ли человекоподобное мерзкое создание...

Вдруг впереди в смраде дымки испарины, в смутной темноте, слегка освещенной огнем факелов, обрисовался контур некоего подвижного объекта. Страж из неподвластных человеческого сознанию глубин катакомб восстал живым мертвецом, не желавшим покоиться с миром в сырой земле. Вокруг закружились пепел и тлен. Силуэт медленно потащил за собой бадью с горьким варевом через длинный проход. Заключенные присмирели. Наемник быстро укрылся за наваленными в углу камнями и стал смотреть, что там такое происходит. А было все просто: стражник в железной броне с красными, одержимыми глазами, светившими из недр шлема алым пламенем, ходил по камерам и наливал всем в миски смердящее варево супа, состоящее то ли из местных поганок, то ли из гнилой картошки, то ли из разлагающегося мяса, а скорее всего из всей этой подручной снеди сразу. И все равно понять было сложно, что это за жижа такая. В камерах заключенные, получившие угощение, садились на жесткий настил и принимались трапезничать, подогнув под себя ослабевшие ноги. Наемник поморщился от уродства увиденного. Гигант со стороны в броне казался неприступным и непобедимым. Наметанный на опасность глаз оценил шансы на победу в бою со стражем как нулевые. Поэтому он ловко обогнул неповоротливого стража, с которым вступать в оже-

сточенную и весьма кровопролитную схватку не было никаких нужд, решив не связываться с ним, и пробежал кошкой, чуть семена легкими шагами, по туннелю, из которого появился бессмертный страж адских глубин... И вот он снова в густой крошечной тьме, похожей на океанские волны, накатывающие на тело тонущего, где воздух пропитан запахом плесени, застойной воды и лиловой ржавчины с красными образованиями. Каменные стены в туннеле были усеяны странными символами, выцарапанными специальными лезвиями, чьими-то ногтями, зубами или когтями — возможно, тех самых омерзительных узников, что остались далеко позади за спиной. Наемник остановился в конце длинного прохода, внимательно прислушался: где-то вдалеке слышались приглушённые стоны (ветра?), скрежет металла и злобный шорох, шуршание обветренных губ, словно крепкие руки волочили по полу мешок из грубой материи. Факел в зажатой руке истерично трещал в сумеречном тумане, бросая дрожащие тени на изрисованные символическими стены, и в этом содрогании и безумных играх слабого света и сильного сумрака человеческому сознанию почудилось движение — неясные очертания фигур, которые то появлялись, то растворялись в темноте. Призраки? Кто это гуляет во тьме темницы? — думал путник, оборачиваясь, стоя на грани безумия и одержимости скорой наживы. Внезапно он услышал скрип открывающейся двери и замер, прижавшись к скользкой стене, поросшей мхом и грибами. Из проёма вырвалась худо-

щавая фигура в лохмотьях, вытянутая во весь рост, с горделивой прямой спиной, её лицо скрывала человеческая маска серого цвета, сокрытая капюшоном. Нет, то была не маска, а гримаса, полная боли и страдания. Она скользнула мимо и упорхнула мотыльком куда-то во тьму, не заметив хитрого наёмника, в её руках что-то блеснуло — тонкий кинжал с изогнутым лезвием, покрытый чёрной кровью пленника, оставшегося в помещении. Наёмник еще больше затаил и без того умолкшее дыхание, пока инквизитор с окровавленным ножом не скрылся в одном из боковых ответвлений разветвлённого туннеля. Любопытство вторженца разгорелось: что за это место такое, куда его отправили бандиты, где бродят призраки и убийцы, где обитают надзиратели и полумёртвые узники, истязаемые палачами? Путник огляделся — совершенно никого. Тишина. Он решил войти в помещение, из которого вышел странный человек. Его фигура подошла к двери. Дыхание замерло. Уши прислушались. Всё казалось каким-то не таким, несуразным, что ли, лишённым логики. Складывалось впечатление, что жители темницы жили тут по каким-то своим законам и правилам. Наемник вынул кинжал на всякий случай и напрягся перед заходом внутрь. Прямых столкновений он всегда избегал, а вот набросится сзади — всегда был горазд. Он двинулся дальше, ступая осторожно, чтобы не потревожить лежащие повсюду тени, протягивающие к ногам когтистые лапы, которые казались выпуклыми и объёмными. За дверью показался очеред-

ной туннель, проход расширился, превратившись в просторный зал, уставленный странными механизмами — ржавыми клетками, рычагами, петлями, цепями и жуткими шестернями, которые, казалось, двигались сами по себе, но в неопи-суемой гармонии и синхронности. В центре зала возвышал-ся массивный стол с кандалами, покрытый кровью, изрисо-ванный рунами на языке, которого наёмник никогда не ви-дел и не знал. Рядом лежал свёрток кожи, содранный с тру-па, валившегося на полу. Обезображенное тело мертвеца не двигалось, но ещё трепетало. Он недавно был живой... На столе с письменами валялись в хаосе множество свёртков с записями. Что это такое??? Каракули какие-то, не стоящие ни черта. Нет, золота тут нет. Наемник точно знал, что цен-ности узников бережно складировались в некоем помеще-нии, хорошо скрытом в одном из туннелей этой злополучной подземной постройки. Пришелец поморщился, обходя све-жий труп с содранной только что кожей. Послышалась брань и ругань. Правая нога угодила в лужу растекающейся кро-ви. Наёмник не мог устоять перед соблазном поглядеть на стол со свитками. Он подошёл ближе, развернул рукопись — и замер в предвкушении найти карту сокровищ. Перед ним лежал кривой клинок, старинные солнечные часы, пе-сочные часы, две книги и капюшон с прорезями для глаз, ко-торый мог бы принадлежать самому инквизитору подземе-лий. Пламя лампы, закреплённой на стене, мерцало блика-ми, свет огонька освещал комнату, оставляя углы тёмными,

покрытыми тьмой, которая, казалось, дышала, вздуваясь лягушкой, затаившейся в болотной тине. В этот момент он понял: его жажда наживы может обернуться чем-то куда более опасным, чем просто сделка с бандитами и местным лордом. Но остановиться он уже не мог. Ему нужно было во что бы то ни стало достичь цели и добраться до золотых гор, драгоценностей, находящихся в одной из многочисленных кладовых.

И в этот момент слышались шаркающие по полу шаги! В рунном туннеле был некто! Путник, только лишь слышав посторонний шум, быстро перепрыгнул через труп с ободранной кожей и мгновенно замерев спрятался во тьме, которая быстро и без остатка впитала его плоть в свои мрачные покровы. Он достал клинки из ножен и стал ожидать появления внезапного визитера... Шаги приближались. На лбу выступила испарина, скользнувшая ручьями в глаза. Кровь забурила. Разум предвкушал увидеть рыцаря в броне, но... вошедшим оказался тихий и весьма тощий инквизитор в лохмотьях. Наемник легко выдохнул. Он наблюдал за действиями странного человека, которого прозвал про себя «мучителем», пытаясь понять логику в его действиях.

2

Тьма завывала. Факел не мог развеять ее покровов. Рыцарь продвигался по туннелям катакомб крайне медленно и весьма осторожно, просматривая каждый неосвещенный

уголок темницы, каждый клочок, погрязший в тенях и грязи. Ему нужно было убедиться в безопасности выбранного маршрута. А дальше как судьба пошлет... Впрочем, он всегда полагался на судьбу. Если ему говорили «надо», то он отвечал «сделаю». Другого выбора не оставалось. Путник был холодным оружием в руках ордена. Его снарядили в экспедицию и дали установку, которую ему необходимо было выполнить. План подразумевал убийство «рыжего» негодяя. Больше ничего конкретного рыцарю не сказали. Впервые он столкнулся с задачей, которую обычно давали наемникам, но раз тут выпал такой жребий, значит, судьбы не миновать.

Бряца бронею, не боясь мрака и сырости, рыцарь брел вперед, чувствуя, что скоро выйдет куда-то. Некое большое пространство уже просматривалось за очередным углом. Непредсказуемость взволновала его, и он вынул меч из ножен. Перед ним открылся вид на пустой зал с несколькими оконцами. Всё было в паутине и пыли. Складывалось впечатление, что людей тут не проходило несколько десятилетий как... Плен тьмы был пока что слабым, и поэтому путник решил повнимательнее рассмотреть старинное убранство комнатки, показавшейся ему трапезной, где совершалось принятие пищи некогда здесь живущими. На распадающемся от старости столе находилось несколько мисок и вместе с ними деревянных ложек, окаменевшая пища неопишимого вида, стальная ваза, погибшие растения в цветочных горшках. На полу лежало пара стульев, какие-то сгнившие

книги, никому ненужные летописи в свитках давно минувших дней, порванная одежда, от которой остались лишь лохмотья и лоскуты ткани, как будто потрепанные, изгрызенные зубами, разбитая посуда, перебитая утварь, сломанные полки примитивных шкафов. Всё говорило, буквально кричало о том, что помещение было покинуто в невероятной спешке, может быть, живущие некогда в замке сошли с ума или же некто их напугал до такой степени, что они решили уйти из подземелья... Рыцаря мучили самые страшные предположения относительно обитавших здесь людей. А может быть, кто-то из них все еще остается в пределах катакомб???

«Что же здесь произошло?» — задавался вопросом неугомонный человеческий разум.

Мужчина без конца бродил, внимательно рассматривая всё кругом, он ворочал факелом туда-сюда, чтобы тьма отступила, и всё же ему казалось, что есть во всём этом предсказуемом, замершем во времени хаосе некая недосказанность, большая загадка, которую он разгадает немного позже. И еще до него доносился странного рода писк, который уже доводилось слышать ранее. Этот шёпот или тихий шум напоминал плеск воды в ручейке, завывание маленького бездомного котёнка, голодного и мокрого от проливного дождика. Нечто из покровов тьмы жалобно напевало мелодию, больно похожую на песенку ветерка с обросших зелёной травой равнин, на порыв дуновения ветра, собравшегося с минуты на минуту пригнать стадо черных грозовых тучек с

сильным ливнем в толстом чреве.

Предметы быта и интерьера прошлой (или даже позапрошлой) эпохи не впечатлили гордого воина, искушенного мирскими благами и различными новшествами современности; он продолжил бродить по залу, стремясь найти что-то... Но что, он и сам не понимал, пока не признался сам себе, что тормозит, задерживает себя из-за страха перед подвальной темнотой... Перед ним был каменный вход в недра черных катакомб с выломанной с петель толстой дверью, приставленной к ближайшей стене. Встав напротив арки, за которой находилась завеса темноты, рыцарь задумался, оглянулся — везде сиял мутный свет из окон, впереди клубилась непроглядная тьма. Кто-то явно специально заделал проход вниз такой большой тяжеловесной преградой, которую было не сломать просто так.

«Ни шагу назад. Только вперед, несмотря ни на что! Несмотря на то, как глубока тьма и ее недра, я тем не менее остаюсь сильнее каких-то там предрассудков и детских страхов».

Аргумент за выполнение наказа, приказа был один: честь рыцаря дороже всего. Честь воина гласила выполнять данные сверху распоряжения. Один за всех и все за одного.

Первый шаг вперед дался очень тяжело, показалось, над головой пролетела стая диких ворон — вестников смерти с громадными крыльями, но то на самом деле оказался вездесущий ветер, гоняющий воздух из окна в окно. Нога, обла-

ченая в металлический сапог, оставила отпечаток на пыльном покрытии пола. Еще один шаг заставил гордое сердце бывалого воина биться чаще прежнего. Третий, четвертый с последующими шагами погрузили зрение во тьму, и силуэт героя утонул в океане мглы. Свет позади скукожился, померк, впереди маячила только неизвестность... Факел выхватывал из пространства кирпичную кладку, паутину с дохлыми мошками и пауками, выцветшие фрески, орнаменты, мозаику, католические иконы в крошащихся рамках. Звук ветра стал сильнее. Мрак подсвечивала сырая дымка тумана и лужи мокроты в ямках, блиставшие и смеявшиеся в лицо путешественнику радужными улыбками, отражающими пламя. Туннель был длинным. Освещение в руке воина сливалось с ним, двигалось с его телом синхронно в такт неспешным шагам, эхом отражавшим в тиши легкий металлический отзвук тяжелых походных сапог. Огонь лишь на некоторое время давал обзор, вырывая из него исключительно ничтожные, ничего незначащие предметы, которые сию секунду снова погружались в вековую темень катакомб. Проход, уходящий вниз, в самые пустоты древнего склепа (склепа древних), стал просторнее, его стены теперь были шире, а потолок выше, и рыцарь вышел на некое плато с обрывом по правую руку, огороженным поручнями, покрытыми копотью и ржавчиной. Перед ним открылся вид на таинственную пещеру, застроенную помещениями, обустроенную под темницу или некий склад. Мужчина дал волю смелости и,

скрепя увесистой броней, подошел к краю пропасти, осветив его беспросветный мрак трепещущим огнем факела. Мрак показал путешественнику свои гнилые зубы. На самом дне пропасти белели кости, сверху свисали вековые сталактиты. Оскал мрака не понравился доблестному рыцарю, не привыкшему бояться неведомого.

1

Миновав зал с жертвоприношениями, скиталец пошел по продолговатому туннелю, изрисованному символикой и рунами, украшенному старинными орнаментами в духе кельтов и уносящему вниз в самые глубины темницы. Старому форту было еще чем удивить кочующего по городам отшельника. Ступеньки выглядели крутыми, по ним стоило идти осторожно. Свет скользил вместе с человеческой тенью, изгибающейся, танцевавшей по изгибам неровностей постройки, то вытягивавшейся, то сжимавшейся. Путник не понимал, когда настанет конец дороги, он не знал, куда именно выведет его непонятный путь. Его серые глаза сверлили темноту, высверливая в ней дырки, отверстия, через которые можно было взглянуть на окружение. Он ничего не боялся. Он был как кот в ночи со сверкающими глазищами, стремящимися вырваться из черепных орбит. Собственно, о черепях убиенных... Шествующему еще представляли мертвецы, давным-давно обглоданные крысами до потрескавших-

ся от времени костей. Мертвецы, прикрученные к стенам оковами и длинными болтами, смотрели на идущего в теньях как на нечто дивное, чего они никак не ожидали увидеть на столь больших глубинах заброшенного фортификационного сооружения. В тишине раздалась унылая капель. В небольшую лужицу у ног путника стекала ручейком водичка с потолка. Сверкающая жидкость источала тухлый запах трупного разложения. Внизу ярко вспыхнул свет. Свечение нескольких огней освещало большой зал. Слух уловил гомон большого числа людей, не галдеж, но пытливое перешептывание в застенках темницы. Шепот не испугал скитальца, он повидал в своей жизни многое, странное и необъяснимое, магическое, сказочное и в какой-то степени еретическое... Какие-то там перешептывания во тьме его ни разу и совершенно не впечатлили. Аскет решительно пошел по крутым ступеням вниз без остановки, чтобы поглядеть на источник постороннего шума. Странности множились. Неведение, требующее озарения, давило на виски. Серые глаза сверкали в теньях, ощупывая предметы новой просторной комнаты, показавшейся бесконечной. Шорохи и непонятные звуки с отзвуками, похожие на перешептывания омертвевших от холода синих губ, замолкли при приближении человека в длинной рясе. Вторгшийся в царство вселенской тьмы искатель запретных знаний скиталец замер, быстро оценил обстановку новой местности, осветив всё вокруг фонарем, как он уже до этого не один раз проделывал в иных незна-

комых помещениях, прежде чем идти куда-то дальше, внимательно прислушался (в том числе и к собственной интуиции), затем медленно побрел вперед, оставляя за собою пламенный след во тьме, тянущийся хвостом от масляной лампы, болтавшейся на конце продолговатого деревянного шеста. Сидевшие в темницах олухи, завидевшие пришельца из другого мира, отреагировали на его появление неоднозначно... Но никто из них не рискнул потревожить вековую тишину ставшего им родным подземелья...

Душегуб-истязатель, немой дурак, лишенный человеческого рассудка, который выдрали у него из черепа мрак и тьма подземного мира острыми когтями безумия, глазел в пустоту одной из клеток, где некогда пребывал выпотрошенный узник, сверля взглядом черную пустоту, сменившую некогда живой силуэт погибшего на статичные тени.

Наемник наблюдал из покровов темноты за действиями мучителя, потерявшего как разум, так и общепринятые человеческие повадки, уже потирал руки, намереваясь вынуть клинки из ножен и броситься на палача в серой робе, намного отличного от него самого. Духовная пропасть между двумя существами, по воле злодейки судьбы согнанными в одно помещение древней усыпальницы, казалась великой. При виде того, как жнец мрачных туннелей очищает недавно содранную человеческую плоть с убиенного тела, у наемника похолодело внутри (ему стало плохо), хотя видывал он за свою жизнь всякое разное... Он никак не понимал, что это такое проделывает мучитель, для чего так обезобразил убитого, какой во всем этом был практический смысл? Издевательство? пытка болью? Ритуал? Наемник рассуждал своим

низменным мозгом до тех пор, пока не понял, что сдиравший с пленника кожу делает из нее прямо сейчас материал для бытовых нужд. Наварное мясо и жир тоже пойдут в «дело». При осознании действительности у прохвоста, притаившегося в тених, появился камень в желудке... Ему захотелось во что бы то ни стало удрать отсюда подальше, однако быстро улизнуть ему мешал сам мучитель, при свете масляной лампы очищавший кожу кривым ножом от всего лишнего. Ненависть к серому человеку была настолько велика, что воришке захотелось тут же убить его. Здесь имела место быть животная ненависть цивилизованного человека современности к первобытному варварству, которое хотелось искоренить и удушить, как змея-соблазнителя в саду Эдема. Наемник видел и прекрасно осознавал, что перед ним находится нечто, лишь с виду похожее на человека, но ни в коей мере не обладающее человеческими качествами, существо, позабывшее о своей непосредственной принадлежности к человеческой природе, создание, насквозь пропитанное тьмой и поэтому отличное даже внешним видом от людей с поверхности.

Ожидание длилось мучительно долго. Наёмник всё продолжительное время наблюдал за неторопливыми действиями подземного жителя, пока не понял, что у того проблемы со зрением. И тем не менее, готовый к бою, он обнажил два клинка, медленно достав их из ножен, плотно прикреплённых ремнями к бёдрам, и зажал их в руках, опустив лезвия

книзу... В голове раздавался стук сердца. Из носа никак не уходил запах человеческой крови, вонь освежеванного мяса, разделанного только что. Дурнота накатывала все больше и больше, пока наемник не понял, что сдерживаться более не в силах. Вопреки своим внутренним убеждениям он прекрасно осознавал, что должен избавить мир (пускай и подземный мир) от уродливого существа с серым лицом и такой же серой рясе. Он просто обязан убить во что бы то ни стало создание тьмы, с которым по воле случая столкнулся в подземном помещении древнего форта.

Наемник напрягся, выгнув кошачье тело, готовясь к длинному прыжку из теней на свет. Тактика всегда была такой: он, сидевший в укрытии, выжидал момента, следил за жертвой, медленно обнажив два клинка, а когда враг отворачивался или становился в уязвимую позицию, позу, занимал неловкое для проведения боя положение, наносил несколько ударов в слабое, незащищенное место на его теле. Наемник всегда пользовался уязвимостью своих противников и никогда не нападал «в лоб», без предварительной подготовки. Ему была противна тактика современных рыцарей, обычно бегущих на лошадях скованной железом толпой на врагов. Ему был противен всякий неоправданный (и оправданный) риск для жизни. Все риски нужно сводить к минимуму или же уничтожать их вовсе.

Убийца напрягся еще больше... И в этот момент тюремный истязатель замер, выпрямился, оставив свое омерзи-

тельное занятие, повернул голову назад в сторону, где восседал на согнутых ногах наемник... Серое выцветшее лицо тюремного надзирателя смотрело во тьму бесцветными глазами с неподвижными красными зрачками, отражавшими огонь, но не имевшими в себе ни малейшей искры жизни; истязатель смотрел в сторону наемника, но ничего не видел, он ощущал присутствие постороннего человека рядом, никак не реагируя. Он догадывался и все же не выказывал ни малейшего желания бороться, сопротивляться. Сидевший в тених обомлел, видя нечеловеческую гримасу, схожую с восковой маской, которая паялилась прямо на него. Вскоре наемник понял, что перед ним свихнувшийся сумасшедший, живший, проводивший существование на какой-то своей волне, не вписывавшейся в ряд общепринятых человеческих догм. Палач медленно отвернул голову, и тут засевший в засаде наемник бросился на него и ударил обоими заостренными клинками в шею, провернув их пару раз внутри образовавшихся ран. Кровь хлестнула бурным потоком. Персона в сером упала на пол перед столом, так и не закончив работу с человеческой кожей. Убийца долго смотрел, вглядывался в ужасную картину, которую сам своими руками «написал», «создал» только что. Его разум постепенно покрывался трещинами, грозящими расколоть череп надвое. Все в комнате походило на пыточную камеру, сделанную с изяществом католического инквизитора и искусностью закоренелого живодера, одержимого не смертью несчастных

пленников как таковой, а самим процессом убийства, выживания жизни в теле жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.